

Структура доказательства невозможности принятия «Божьего мира», которое проводит Иван в общих чертах, такова: мир — Земля, «пропитанная слезами от коры до самого центра», — абсурден, потому что страдают невинные дети. Невинность детей делает невозможным адекватное наказание. В каждом из приводимых Иваном примеров наказание не соответствует преступлению. Замученный жизнью швейцарский пастух, с детства досыта не евший, за убийство, совершенное ради добычи пропитания, приговорен к смерти. И он еще должен благодарить своих мучителей, которые, кроме того что казнят его, еще и убеждают, что это они его просветили и открыли ему Бога и научили молиться. Они омерзительны, потому что используют этого несчастного для самоутверждения и самолюбования. Где справедливость? Ее нет. Но это еще куда ни шло. Все-таки убийство — за убийство. Другие примеры Ивана еще более вопиющи: родители, которые мучат своего ребенка за то, что он страдает недержанием мочи. Запирают ребенка в отхожем месте, бьют, а никакого вмешательства Бога не происходит. Вина ребенка есть — но разве это вина? И разве за такую вину можно так наказывать? И последний пример, который Иван приводит как абсолютное доказательство абсурдности имманентного мира. Мальчик, который зашиб ногу любимой гончей барина, растерзан за это собаками на глазах матери.

«— ...Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка!

— Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

— Bravo! — завопил Иван в каком-то восторге, — уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алешка Карамазов!

— Я сказал нелепость, но...

— То-то и есть, что но... — кричал Иван. — Знай, послушник, что нелепости слишком нужны на земле...» (т. 9, стр. 273).

Помещика взяли в опеку, но разве этого достаточно? Справедливости нет, потому что есть абсолютное преступление — преступление против абсолютно невинного — против ребенка, преступление, за которое не бывает наказания, поскольку любое наказание неадекватно, никакое наказание не уравнивает на человеческих весах совершённое беззаконие.

Преступление, за которое «расстрелять»? «Расстрелять», — отвечает Алеша — и произносит ключевое слово: «нелепость». Да ведь и расстрелять недостаточно, и собаками затравить тоже мало, а тут в опеку взяли...

Алеша сказал «нелепость» не только потому, что в той нравственной системе, в которой он и живет, слово «расстрелять» приводит к внутреннему противоречию — к отрицанию заповеди «не убий», а вывод, который противоречит аксиоме, и есть «нелепость» в чистом виде. Но нравственная аксиоматика, которая строится на Библии, и не могла бы привести к тем выводам, к которым пришел Иван. Нелепость, осознанная Алешей, есть еще и нелепость, оказавшаяся результатом рассуждений самого Ивана. Алеша эту нелепость видит и ее констатирует.

А. Мошковского об Эйнштейне: „Достоевский! — Он повторил это имя несколько раз с особенным ударением. И, чтобы пресечь в корне всякое возражение, он добавил: — Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!“». (Цит. по книге К. Кедрова «Параллельные миры», М., «АиФ-Принт», 2001, стр. 202.) Конечно, великий писатель не может не повлиять на любого чуткого читателя. Но все-таки прямое сравнение с Гауссом говорит, по-видимому, о направленном влиянии. Гаусс был одним из создателей неевклидовой геометрии наряду с Лобачевским и венгерским математиком Яношем Бойяи (1802 — 1860). Лобачевский опубликовал свои результаты первым. В созданной Эйнштейном Специальной Теории Относительности геометрия пространства-времени (пространства Минковского) почти евклидова (точнее: псевдоевклидова), но уже в Общей Теории Относительности рассматривается неевклидова геометрия с неустранимой кривизной. Быть может, Эйнштейн увидел у Достоевского, подсказанную мысленным экспериментом Ивана Федоровича, саму возможность построения другой аксиоматики пространства-времени.